

ФОРДИСТСКАЯ СУЩНОСТЬ ПОСТФОРДИЗМА¹

Жан-Пьер Дюран

Франция

Слишком многие исследователи, авторы и теоретики засыпают нас своими предсказаниями резких перемен, настоящих или будущих, так что в результате становится трудным уловить между ними промежуток и понять, что же в действительности изменяется. В течение двух десятилетий социологи, философы и антропологи, стремясь не отстать, каждый день обнаруживают новые перевороты, которые никогда не случаются. Все это происходит так, будто исследователи проецируют свои пожелания и предложения оптимальных решений на общество или на производство. Получая такую широкую огласку, легкое подрагивание воспринимается как катастрофа.

Наша гипотеза состоит в том, что слишком поспешно был сделан вывод о кризисе накопления капитала и появлении новых форм производства. Конечно, всякая попытка выхода из кризиса вытекает из новых решений старых проблем, и тем самым она заменяет старые проблемы или изменяет их. Однако достаточно ли этого, чтобы говорить о таком разрыве со старым порядком и старой организацией, при котором был бы оправдан знаменитый ярлык "пост"? Для этого нужно, например, чтобы удельный вес наемного труда намного перевешивался другими формами социальных трудовых отношений, или чтобы способы распределения общественного прибавочного продукта были радикально изменены, или же чтобы разделение труда и его организация не регулировались бы одними и теми же квазивоенными постановлениями.

¹ Статья впервые опубликована во Франции: Jean-Pierre Durand. "La realite fordienne du postfordism" // *Travail?* Novembre 1995. 18. P. 105 - 121

Действительно, видимые социальные изменения оказываются, начиная с середины семидесятых годов, тесно связанными с кризисом накопления капитала - с кризисом, причинами которого являлись снижение производительности труда, снижение нормы потребления и развитие непродуцированной сферы (общественной и частной). Этот кризис привел к определенной финансовой перестройке экономической деятельности в целом, а также к выравниванию, по крайней мере временному, доходов наемных работников, укреплению позиций капитала относительно труда. Здесь мы видим раскачивание огромного маятника в масштабе истории (1). Я полагаю, что для того, чтобы понять одновременно и нововведения, и их связь с уже существующим, именно в свете этих укрепленных позиций капитала и следует рассматривать социальные изменения.

Моя основная гипотеза заключается в том, что слишком часто детали принимаются за сущность движений действительности. Другими словами, если меняются способы потребления, если появляются новые виды техники (и, следовательно, новые ценности), если возникают формы производства, то они просачиваются в существующее, стараясь его изменить. Моя цель - показать через проблемы, поднимаемые массовым производством, информационными технологиями и организацией труда, сколько изменений, порой разрушительных, происходит с традиционными формами и сколько таких изменений сдерживают инновационные силы или препятствуют им. Мне представляется, что настоящий период называют постфордизмом в силу неверного словоупотребления. В то же время говорить о единой последовательности было бы так же предосудительно, как и о разрыве.

Именно по этой причине данная статья носит и эпистемологический характер: речь в ней идет о том, что *каждое социальное действие следует рассматривать как его само и как его противоположность*. Эта эпистемологическая позиция касается не только идеи, что каждое социальное действие оказывается особым с различных точек зрения, с каждой из которых видно лишь внешнюю сторону проблемы. Я стремлюсь доказать, что мы должны быть в состоянии осмыслить каждый объект, каждое социальное действие как явление, характеризующееся чертами разными и противоречивыми. Эта позиция должна нас удерживать от всякого релятивизма или, еще хуже, от всякого агности-

цизма. Речь идет о решительном шаге, который я уже охарактеризовал (2) как способность одновременно осмыслить противоречивые аспекты одной ситуации или одного социального действия. Вместо того, чтобы, анализируя, разделять, я предлагаю сопоставить центробежные характеристики социальных действий и понять неоднозначность движения. Тогда постфордизм мог бы показаться не более чем перевоплощением фордизма или, точнее, его зрелым состоянием, которого он достиг, пройдя через болезнь роста, так и не победив ее до конца.

Разнообразии и массовое производство

Согласно общепринятой гипотезе, мы прошли этап массового производства (фордизм) и перешли к производству, характеризующемуся разнообразием (постфордизму), то есть от экономики, в которой господствовали продавцы (в силу скудности предложения), к экономике, в которой господствуют покупатели (поскольку величина предложения стала значительно превосходить платежеспособность спроса). Если бы это было так, покупатели могли бы навязывать свои самые экстравагантные вкусы продавцам, которые вынуждены были бы их удовлетворять. Отсюда появилось понятие *экономики разнообразия*, которая вела бы к соразмерному производству товаров и услуг и в которой рабочие вновь стали бы творцами (3). Отсюда появился переход от *запаздывающей дифференциации* продуктов, свойственной статической гибкости, к *непрерывной дифференциации* продуктов, осознаваемой с процесса планирования (conception) в течение всего процесса производства (динамичная гибкость).

Таким образом, по моему мнению (противоположному мнению многих), такое разнообразие спроса происходит не от растущего индивидуализма потребителей или от увеличившихся капризов дифференциации (а также, возможно, и не от демократизации *различий*, столь милой Пьеру Бурдьё?). Разнообразный спрос порожден исключительно предложением: например, А хочет захватить дополнительный участок рынка, ограниченный сегодня своей платежеспособностью; он может это сделать (если качество его товаров и цены на них те же, что и у конкурентов), лишь увеличив разнообразие своего предложения. Его примеру последует В, затем С, D и так далее до тех пор, пока конкуренция ме-

жду всеми продавцами не сведется к одному разнообразию. Потребители лишь принимают и выигрывают от этого разнообразия предложение, которое некоторым образом их воспитывает, ничего не требуя взамен! Наконец, зная, что новые продукты (мини-телевизоры, видеоаппаратура) редки, продавцы противостоят падению нормы потребления, ускоряя моральный износ традиционных продуктов. Таким образом, в ситуации конкуренции продавцы, с помощью моды и обращения к благосклонной общественности, искусственно сокращают срок жизни продуктов, что приводит к пересмотру условий планирования и производства промышленных благ. К этому вопросу я еще вернусь.

Другими словами, хотя гибкость и является новым аспектом производства, черты массового производства тем не менее не исчезли. Поэтому настоящее положение вещей можно определить через парадоксальное понятие *гибкого массового производства*. Это означает, что потребление промышленных продуктов продолжает оставаться массовым, хотя продукты и дифференцированы. Фордистская модель потребления и особенно модель накопления, описанная l'École de la Regulation на примере системы массового производства, не исчезли, не пришли в упадок. Перед лицом падения нормы потребления - наиболее непосредственного проявления кризиса фордистской модели, то есть перед лицом ужесточения конкуренции между продавцами, последние нашли в модели потребления и массовом производстве возможности продолжить в новых формах (разнообразии-гибкости) принципы самой модели: массовое производство и положительный эффект масштаба.

В конечном итоге, как показывает анализ средств производства, принцип экономии, обусловленной ростом масштабов производства, вполне сочетается с динамичной гибкостью. Парадоксально, но развитие динамичной гибкости невозможно без опоры на экономию, обусловленную ростом масштабов производства: лучшим примером этого служит авиация или какая-либо из отраслей электроники, где для того чтобы и впредь предлагать большое разнообразие товаров (гибкость), концентрация и международные соглашения направлены на увеличение доли рынка каждой из сторон (экономия, обусловленную ростом масштабов производства).

—

В этой бешеной конкуренции продавцов уже не *цены*, то есть *количество*, отличают одни продукты от других, а *разнообразие предложения*. Задачей продавца является уже не только снизить цены или увеличить количество, но и насколько возможно *быстро реагировать на разнообразие, предлагаемое его конкурентами*. Таким образом, эта новая цель достигается не путем усовершенствования каждой операции или каждой функции, а путем *усовершенствования связей между операциями и функциями*. Хотя эта трансформация требований производства и очень глубока, она представляется скорее как смещение кризиса фордизма (происшедшего вследствие уменьшения нормы потребления и вследствие конкуренции среди продавцов), чем как уход от него. Это объясняет одновременно как прихоти трансформации организации труда, так и ограничения реальных изменений, наталикующихся на постоянство структур производства (фордистских). В любом случае использование информационных технологий представляется еще одной попыткой, параллельной и дополнительной, разрешить этот кризис. Эти две попытки разрешения одного и того же кризиса неразрывно связаны между собой, но ни одна из них не может считаться следствием или причиной другой - что должно нам помочь избежать технического детерминизма, пусть и ползучего.

Обращение к информационным технологиям

Суть гипотез усовершенствования *реагирования* предприятий на рынок и на конкуренцию заключается в следующем: залогом успешного реагирования является качество *взаимодействия* между составляющими системы производства (функциями внутри самого предприятия, связями *между* фирмами одного большого предприятия). Речь идет также и о качестве взаимодействия между отраслями производства, которые хотят, например, уменьшить объем запасов и убытков (недвижимый капитал, стоимость складских помещений или площадей) или которые стремятся минимизировать задержки, связанные с неполадками в работе оборудования (*близость квалифицированного персонала*). Это также может быть способность быстро объединить предложения о модификациях (продукта или метода), поступающих из всех звеньев системы производства. К таким усовершенствова-

ниям взаимодействия относится также *одновременное планирование*: уменьшение производственных сбоев и глобальных издержек или же увеличение возможностей разнообразия одного продукта в течение самого планирования (именно здесь и лежат основные резервы конкурентоспособности продукта). Одновременное планирование позволяет работать над самим продуктом и над условиями его изготовления (при этом обращаются к архивам, где обязательно хранятся документы о его изготовлении) и даже над его распределением; однако главным образом оно означает, что, начиная с автономных технических требований, подсистемы (или функции) продукта не выполняются независимо одни от других, напротив, они выполняются *одновременно*, и любая модификация одного, влекущая за собой изменения других, немедленно отражается.

Таким образом, можно представить себе всю сложность одновременного планирования или, на более общем уровне, подхода к производственным системам через взаимодействие подсистем. В некоторой степени это означает возвращение к обсуждению аналитического демарша и к стратегии сегментации проблем. Эти проблемы в конечном итоге все больше рассматриваются в их глобальности - что объясняет успех теоретических размышлений, целью которых является преодолеть системизм или кибернетику, как, например, это пытались сделать Эдгар Морэн (Edgar Morin (4) или Жан-Пьер Дюпюи (Jean-Pierre Dupuy) (5).

Выражаясь их языком, этот подход реагирования предприятий посредством усовершенствования взаимодействия между функциями (или между самими фирмами) означает лучшую *интеграцию* между ними - в смысле все более тесного переплетения. Решения проблем, используемые под натиском конкуренции, двух порядков: технические и социальные. *Организационная эффективность* (H. Leibenstein, 1966), которую я, в свою очередь, переименовал в *организационную производительность*, - это способность системы А, при прочих равных условиях, вследствие лучшей кооперации элементов, получать результаты лучше, чем система В. Эта организационная производительность основывается прежде всего на *социальном* качестве организации: единстве культуры, упрощенных циклах, мобилизующих социальных отношениях, сокращенной волоките и посредничестве и т.д. Оче-

видно, что это является одной из причин производственного превосходства японцев. Другое измерение, тесно связанное с первым и значительно зависящее от него по своим результатам, основывается на *интеграции посредством данных*. Много взаимосвязанных баз данных хранят всю упорядоченную информацию, необходимую для функционирования предприятия, а прилежащие логики черпают в них элементы, помогающие им принимать решения, действовать, покорять, обрабатывать, контролировать, управлять и т.д. Таким образом, предприятие - или фирма той же сети - оснащает себя *информационным потоком*, который обгоняет или, еще лучше, *предвосхищает* поток материальный. Этот информационный обгон предприятия не только более экономично справляется со сложностью предприятия, он также увеличивает его способность реагировать на окружающую обстановку и на его собственные внутренние непредвиденные ситуации.

Согласно французскому министерству промышленности, "интеграция - это совокупность средств, позволяющих людям и оборудованию делиться информацией и условиями, при' которых промышленная система может одновременно обеспечивать оптимальные производительность труда, качество и гибкость". Эту промышленную систему следует понимать в широком смысле: от маркетинга до услуг после сбыта и на всех стадиях планирования, изготовления и контроля она затрагивает как само предприятие, так и то, что его окружает (фирмы той же сети). Средства (информационные технологии) имеют целью не только обмен этими технологиями, но также и их создание, обращение с ними, их хранение и уничтожение. В англосаксонском мире, определяя эту тенденцию к интеграции, говорят о *Computer Integrated Manufacturing* (СІМ), что переводится как "производство, интегрированное с помощью компьютера" - поскольку, как мы увидим ниже, это не более чем *тенденция*.

На интегрированном предприятии информационный поток имеет тенденцию доминировать и становиться более важным, со стратегической точки зрения, чем поток материальный: в результате становится легче работать с символами, чем с самой материей. Можно изображать полеты самолетов и экономить на испытаниях в аэродинамической трубе; огромное количество расчетов сопротивления материалов производится до тех пор,

пока не выявляется их оптимальная формула; можно изображать организационные модели без физической реорганизации цехов. Информатика управления позволяет *предвидеть*, чтобы распределить трудовые нагрузки между машинами или цехами или чтобы подготовить прием товаров (информация поступает раньше материи). Связь между базами данных позволяет избежать дублирования чертежей между проектным и методическим бюро или службой контроля.

Таким образом, информационный поток становится средством лучшего управления потоком материальным (6). Речь идет о погоне - новым путем - за процессом рационализации, которая, как особенно ярко показали Фредерик Тейлор и Генри Форд, является неотъемлемой чертой истории промышленности. Это дополнительный этап в *экономии времени*: говоря о *реальном* времени, информатики нам указывают то, что в их понимании движет в данное время материальным потоком; более того, путем предварительного управления неопределенностью и случайностями возможности информационных расчетов открывают путь к *предвидению*, уменьшающему вероятность инцидентов. Здесь мы возвращаемся к вопросу о *вероятности*, поднимаемому информационными технологиями (7).

Если информационные потоки становятся стратегическими для управления производством, то их функционирование и структура становятся новыми задачами функций предприятия или подразделений и центра. Это как раз то, что нам удалось показать на одном из трех французских автомобилестроительных заводов. С одной стороны, потребности и цели при использовании информации различны и ведут к противоречивым позициям в структуре информационных систем (ИС), в зависимости от места, занимаемого в общем процессе производства. С другой стороны, встает вопрос о том, чтобы знать, кто несет ответственность за *создание, обогащение* и особенно за *качество* информации - чтобы обеспечить *уникальность* последней до ее распределения между всеми исполнителями, то есть до того, как она поступает во все точки предприятия.

Кроме того, ИС также конструируют *образы* настоящего предприятия (запасы, убытки, возможности производства, резервы и т.д.). Риск несоответствия этих образов и реальности велик: искажение времени, искажение вследствие ошибок пони-

—

мания и качества информации, несоответствие, связанное со структурными недостатками ИС и т.д. Таким образом, если информационный поток стал стратегическим для управления потоком материальным, то он должен быть безупречным. Вследствие самой природы информации, а также неопределенности или непостоянства окружающей обстановки неувязки тем не менее неизбежны: они требуют постоянного людского вмешательства, которое если не предотвратит их полностью, то, по крайней мере, уменьшит их количество. Другими словами, эта новая фаза промышленной рационализации, которой является интеграция данных, выдвигает тем не менее проблемы, требующие разрешения: качество информационных потоков, качество образа реальности, их эффективное использование для увеличения скорости реагирования материального потока и т.д.

Качество информации тем больше, чем ближе к самому событию информация, которая для него создается, используется, оценивается (и уничтожается). Таким образом, эта проблема разрушает в высшей степени иерархически организованное функционирование предприятия, поскольку она предполагает, что каждый исполнитель несет ответственность за производство информации, относящейся к его функции. Управление, в конечном итоге, не может контролировать все и должно делегировать некоторые свои прерогативы, это делегирование основывается на *доверии*, оказываемом работникам или рабочим. Это делегирование полномочий, основанное на доверии подчиненным работникам, отмечает разрыв с фордистскими отношениями найма, основанными на контроле над индивидами (ср., например, Gramsci об американском рабочем). Однако именно потому, что разрыва с фордистской моделью не произошло - или же он встречается слишком редко, информационные системы используются нечасто или, когда они уже установлены, - слишком мало. Если же взглянуть на это явление вблизи, видно, что интеграции посредством данных не происходит, кроме как в довольно коротких сегментах производства (GPAO, CFAO - (8), которые уже ломают традиции (производительность рационализации и ясность при установке систем GPAO уже не надо наглядно объяснять) без упоминания основополагающих принципов фордистских и тейлористских иерархии и разделения. Таким образом, в GPAO интеграция посредством данных довольно часто

ограничивается использованием баз данных продукта для того, чтобы писать программы для машин с числовым управлением и трехмерных машин контроля. Кроме того, ГРАО позволяет расположить действия в традиционной организации так, чтобы в целях их оптимизации и управления ими не изменять условий производства.

Хорошо известна информационная функция *порабощения*, последовавшая в промышленности 50-60-е гг. за кулачными шайбами, перфокартами ткача или электромеханическими реле. Однако информатика в силу того, что она *порабощает* системы производства, начиная с *автоматической обработки и массива информации*, таит в себе и другие возможности, выходящие за автоматизацию в строгом смысле. В результате, являясь основным элементом *порабощения*, информатика порождает - или может породить - информацию *об условиях производства* (поломках, случайностях, продолжительности и т.д.) так же, как и о результатах (количестве произведенных товаров, их характеристиках, качестве, состоянии сырьевых продуктов и т.д.). Новую информацию можно *запомнить* для того, чтобы с ней *обращаться* автоматически и чтобы организовать, управлять будущим произведенных продуктов, средствами производства и людьми, сопровождающими процесс производства.

Другими словами, информация дуалистична и обладает двумя типами функций, которые хотя и являются взаимодополняющими, хорошо различимы друг от друга. С одной стороны, информация *порабощает*, а с другой - *мемопроспектирует*. Второе понятие, парадоксальное, ставит акцент на важности функции запоминания, основываясь на запоминании расчетов, направленных на будущее (начиная с запомненного *passé-present*) в этой тесно связанной с рынком деятельности планирования.

Таким образом, слишком часто интерес проявляется только к информационной функции *порабощения*, в то время как именно *мемопроспективная* функция обладает гораздо большими возможностями. Если проанализировать отношения между двумя основными функциями информации, можно заметить большую *ясность* в методах изготовления (*порабощения*) - благодаря *мемопроспективной* информации, используемой в управлении предприятием. Таким образом, *мемопроспективная* функция представляется рефлексивной функцией относительно функции

порабощения; именно эта рефлексивность явилась основой индустриальной *интеграции*, поскольку именно вследствие знаний о самих себе предприятия могут стать более надежными - что является основным условием для их сближения и последующей интеграции. В таком сближении связь между машинами (а также между людьми и машинами) может считаться неизбежным переходным этапом. Этот переход основывается на имеющихся в резерве информационных потоках, обусловленных мемопроспективной функцией, то есть рефлексивностью информированных предприятий.

Все это ограничивает использование информационных технологий, которые могли бы быть эффективным орудием *реагирования* предприятий на окружающую обстановку, и показывает, сколько форм организации предприятия и труда сегодня не в состоянии заранее тщательно обдумать появляющиеся технологии в их связи с состоянием организации. Напрашивается вывод, что, далеко от певцов любого рода революций, социальное показывает прочную тенденцию скорее к воспроизводству, чем к производству заново.

Организация предприятия и труда

Хорст Керн и Микаэль Шуман довольно хорошо резюмируют необходимость глубоких перемен на предприятии - по причине, во-первых, испытываемого многими наемными работниками отвращения к предельно упростившемуся труду, и, во-вторых, - определенных требований, вызванных использованием информационных технологий. Говоря о неоиндустриализации, они пишут, что "речь идет о новом значении понятия капиталистической рационализации, проникающем до самой сути вещей. Процесс, о котором мы говорим, не является, таким образом, синонимом уже хорошо известного реконструирования, напротив, его можно назвать открытием новых земель: имеется в виду постижение новых моделей производства, включающих также (что особенно важно) связь с уже существующим трудом. Наконец, под неоиндустриализацией мы понимаем не технологическое явление, а комплексную трансформацию промышленной структуры, которая, как нам представляется, неразделима для предприятий с изменением парадигмы политической

стороны труда. Это изменение в способе мышления, проникая в самую суть новой организации труда, новой политики подготовки кадров, так же как и использования рабочей силы, приобретает новый импульс, тем более сильный, чем больше новых технологий находят применение" (10).

Однако, в противоположность очень оптимистичным французским работам, эта книга показывает главным образом крайности происходящих изменений: например, в 1984 г. эти технические трансформации коснулись только 1 процента рабочих автомобильной промышленности (ср. также страницы, где описывается производство маргарина, и последнюю главу, где вопрос рассматривается в более общем виде). На самом деле, Керн и Шуман гораздо больше рассуждают о возможностях распространения текущих изменений, укрепляющих уже существующие. Чтобы подчеркнуть неоднозначность их вывода о модернизации и *сегментации, являющейся современным вариантом поляризации*, стоит процитировать следующее высказывание: "В качестве примера мы рассмотрели производство маргарина: оно привлекло наше внимание к факту, что даже при достаточных экономических возможностях результаты новых моделей производства необязательно показательны и обобщаемы. Модель производства, появляющаяся в этой отрасли, имеет тенденцию к оптимальному использованию капитала, точно сочетая традиционные подходы и новые рационализаторские подходы. Существование старого и нового не является наложением во времени, которое вскоре исчезло бы, напротив, это результат совершенно сознательного разделения единства производства на два сектора, где использование капитала будет руководствоваться разными соображениями (...). Запомним главное: для развития новых моделей производства экономические возможности - это необходимое условие, но ни в коем случае не достаточное. Следует также вновь соединить условия, касающиеся используемых материалов процесса труда, или же создавать условия параллельно новым моделям производства для наилучшего использования рабочей силы посредством интеграции заданий и умений. Пока это последнее условие не будет выполнено, идея новых моделей производства сможет развиваться только частично, не распространяясь и не передаваясь. Поскольку мы даем рекомендации по применению нашей гипотезы введения

новых моделей производства в ключевых отраслях промышленности, то стоит отметить, что никогда не следует забывать об этом ограничении, касающемся структурных условий труда" (11).

С другой стороны, многие исследователи и социологи все больше внимания уделяют изучению предприятия в его глобальном значении - что, конечно, является более разумным, в то время как слишком аналитический подход к труду и ведет к оплошностям. Однако этот решительный шаг чреват новыми опасностями. Поскольку наиболее важные изменения произошли в сфере отношений между предприятиями (между фирмами одной сети) или в их общем функционировании, то социологи быстро пришли к выводу о радикальных трансформациях всего устройства. Второй подводный риф касается расширения объекта - что не позволяет столь же скрупулезный анализ труда, что и вчера. С этой точки зрения, следует констатировать, что многие исследователи располагают только восприятием привилегированных информаторов (то есть самих инициаторов реформ), не проводя при этом долгих и глубоких исследований, которые требуют реальных задач, бюджета времени операторов, их воспроизведения производственных систем, их личного вмешательства и т.д.

Главным последствием этих новых условий исследований (к которым следовало бы добавить уменьшение времени, затрачиваемого на работу на предприятии вследствие сокращения средств, выделяемых на каждое исследование), связанных с предпочтением, которое исследователи отдают *изменениям и новшествам*, является конструирование ими довольно искаженного образа реальности. Таким образом, общий образ ставит изменения, равно как и новые операции в процессе труда (часто связанные с техническими модификациями), на макроуровень предприятия, пренебрегая при этом, например, их повторяемостью, монотонностью или очень слабым увеличением поливалентности труда.

Здесь можно взять для примера задачи *контроля* и *помощи* на автоматизированных линиях. Большую часть времени операторы работают *группой* над одной установкой. Они вместе отвечают за производство и его качество. Они *поливалентны*, то есть они могут вмешаться в любой сегмент установления. Поскольку

критерием оценки работника становится степень его многогранности (или полезное время), а не количество произведенных деталей, то они работают *без остановки*, причем *иерархическую линию* можно сократить, так как операторы объединили цели управления, и ритм их вмешательства обусловлен непредвиденными происшествиями с машинами. Наконец, *управление участка*, с его кружками качества, группами прогресса, проектами предприятия, группами выражения мнения наемных работников, демаршами тотального качества и т.п. способствует интеграции всех элементов, которые я соединил в понятие *производственной парадигмы* (12). Используя этот термин, я не имею намерения вернуться к технологическому детерминизму. Речь идет просто о том, чтобы связать с кризисом тейлоризма организационную реакцию, вызванную сейчас по Франции и за рубежом внедрением информационных технологий. Помимо этого можно найти сектора или предприятия, где приход одной-единственной чуть сложной машины служит поводом для такой организационной реформы.

Неоспоримое повышение квалификации операторов (большая часть из которых прежде была неквалифицированными рабочими) является предметом гордости управленцев предприятия, которые считают это неопровержимым доказательством совершающейся революции. Но даже они, во-первых, не уточняют, что зарплата этих новых работников (бывших неквалифицированных, прошедших подготовку на рабочем месте, получающих дополнительную шестимесячную подготовку и тем не менее не считающихся квалифицированными работниками - прим. пер.) в целом ниже, чем зарплата квалифицированного персонала ремонтников, особенно в плане продвижения по службе и последней точки карьеры. Во-вторых, кондуктора линии или операторы исправляют лишь несерьезные повреждения первой степени сложности и должны обращаться к квалифицированному персоналу ремонтников за вмешательством второй и третьей степени.

Здесь можно разглядеть амбивалентность всех трансформаций: если происходит неопровержимая переквалификация операторов, то глобальная схема вписывается в структуру иерархического разделения труда при изготовлении и обслуживании. Более того, можно показать, что эта схема воспроизводит ус-

тойчивый управленческий состав трехполюсной организации (изготовление, предвидение, методы), подчиняющейся последним. Некоторые управленцы, желая любой ценой показать новаторский характер существующей организации, учитывают все перемещения работников между тремя полюсами, эти перемещения явно неоспоримы. Тем не менее назначение на изготовление техников, то есть электриков, зависящих вчера от услуг квалифицированного персонала (maintenance), лишь доказывает разрушение их статуса: они становятся взаимозаменяемыми рабочими на изготовлении, тогда как специалисты высокого класса остаются за пределами цеха.

Работы Г.Сантили (G.Santilli) об асинхронной линии монтажа (АЛМ) "Фиата" в Турене ведут к похожему заключению: бок о бок с техническими и организационными инновациями (касающимися структуры организации) продолжает существовать в высшей степени фордистская логика организации труда, которая максимально увеличивает время использования людей, тогда как афишируется логика полезного времени функционирования АЛМ. Та же тенденция приводит к тем же результатам в проектных бюро. Если исчезают наименее квалифицированные чертежники и, значит, если мы способствуем общей переквалификации, то среди выполняющих чертежи и тех, кто их планирует, происходит очень четкая сегментация. Первые выполняют все больше и больше рутинной работы по проектированию при помощи компьютера (CAO), причем эти процессы часто автоматизированы и превращаются впоследствии в унылый труд заключенного. С другой стороны, только авторы проекта и несколько плановиков имеют полное представление о разрабатываемых продуктах. Кроме того, лишь незначительное меньшинство специалистов знает и управляет логикой производства и системами CAO и CFAO, пишут программы для их пользователей.

Наконец, осталось место, чтобы в деталях показать аналогичную ситуацию в сфере услуг (банках, страховых компаниях, конторах по выписке счетов, накладных и т.д.). После повреждений централизованной информации и забастовок неквалифицированных работников сферы услуг управления предприятия заново организовали работу по обработке конечной информации, цена на которую постоянно падала. Сегодня работники

пользуются и изучают документы от А до Я. Если это положило конец дроблению заданий, то в то же время появилась новая сегментация труда: большинство работников решают проблемы стандартизованные и упорядоченные, тогда как несколько наиболее квалифицированных работников или управленцы занимаются самыми сложными делами (убытками, ссудами, юридическими проблемами). Таким образом, эту новую организацию, схожую с организацией промышленности, можно назвать *бюрократической парадигмой*. Исполняющие работники используют автоматизированные процедуры (причем очень часто компьютер сам принимает решения на основе специальных алгоритмов), тогда как другие, более квалифицированные работники или управленцы используют и работу мысли.

Таким образом, если не считать исключений, в целом встречающихся в отраслях с высокой плотностью умственного труда (это необходимое условие не является тем не менее достаточным!), трансформации оказываются микроизменениями, проскальзывающими в организационные структуры и структуры разделения труда. Основным результатом этого является быстрое утомление участвующих сторон, которые после нескольких месяцев новой трудовой ситуации считают ее уже рутинной. Помимо исключений, разрушивших старые функции для создания значительно более расширенных новых, *интерес к выполняемому труду* становится менее интенсивным после года или двух новой организации. Приводят в действие целую серию операций, суть и назначение которых следует хорошо понять, и основная цель которых - помочь структурной реформе, проводимой на очень немногих предприятиях. Я хочу рассказать о кружках качества (или любой другой группе прогресса, эврике и т.д.), о *демарше тотального качества*, о *поддержании глобальной эксплуатации* (maintenance d'exploitation global), о "*как раз вовремя*" (juste a temps) и т.д. По своей сути и назначению все эти операции - бесспорные методы, однако социальный смысл из использования гораздо более богат, чем их техническая полезность. В рамках структурных реформ, ведущих к значительно усилившейся *автономии* трудовых групп и операторов, а также к большей ответственности (соглашение о целях, технические и людские средства, децентрализованные именно вследствие этой структурной реформы) и *господству над организацией* и разделе-

нием труда, все эти начинания естественно, то есть структурно и координирование (интегрированно), вписываются в процесс изготовления (13) (или планирования). Таким образом, это не то, с чем мы сталкиваемся на деле. Или же эти процедуры глушат мотор технических изменений и социальных трансформаций, при этом они вписываются в унаследованные неподвижные структуры и проникают в них: их применение оказывается, таким образом, в значительной степени смягченным. Или же то или иное из этих начинаний оказывается поддержкой техническому изменению или пытаются уравновесить последующую завуалированную рутинизацию уже проводимым изменением, и здесь речь идет о мобилизации людей на технические цели посредством трансформации только локальных социальных отношений.

В любом случае, поскольку нет цели разрушить неподвижные унаследованные структуры, эти процедуры по многом напоминают припарки мертвому. Доказательством этого - в наиболее сложных ситуациях - является скорость, с которой эти процедуры сменяют друг друга, чтобы поддерживать в форме операторов, кто, на третьей или четвертой волне такого типа, становятся совершенно дезориентированными и больше не верят в возможности изменений. Стоит ли упоминать о том, что эти процедуры, всегда спускаемые сверху, часто инициируются решениями конкурирующих центров и между собой связаны лишь незначительно.

Наконец, мне представляется, что демарши качества, надежности и т.д., помимо своего неизбежного технического содержания, обладают функцией участия и первичной мобилизации, не становясь тем не менее рычагами структурной трансформации главных функций предприятия (в частности, общей функции *организации труда*). Однако нельзя пренебречь их влиянием на модификацию "социального климата" предприятия и представлений, которые устраивают различные исполнители, становясь уже другими актерами. И в свою очередь эти трансформации изменяют систему локальных социальных отношений, увеличивая число связей, уменьшая этим структурную изоляцию и способствуя ослаблению синдикализма (14).

Здесь мы возвращаемся к одному из наиболее заметных изменений восьмидесятих годов, которое заставляет верить в при-

ход новой производственной модели: речь идет о согласии исполнителей *поделиться своими умениями* при помощи процедур участия, спускаемых сверху. В результате, эти умения, являющиеся последним частным укреплением наемных работников, определенным образом умирают под давлением управленцев в течение их рабочего времени. Вся индустриальная история - это история сопротивления наемных работников, стремящихся сохранить эти свои частные умения. Таким образом, последнее десятилетие наблюдало это сопротивление - значительно, но не полностью, изменившееся - в участии наемных работников в жизни цехов и бюро, *участие, посредством которого они добровольно, сознательно и бескорыстно отдавали своим умениям*. Мы пришли к выводу, противоположному тому, о чем говорил Крозье в 1963 г.: "Подчиненные из всех сил стараются увеличить отданное участие и заставить управленцев платить больше, если они желают сотрудничать с ними" (15). Этот поворот произошел в результате стечения многих факторов: утомления от повторяющегося и монотонного труда и надежды при помощи участия сделать труд более интересным; жестких условий на рынке труда, толкающих наемных работников к сотрудничеству, то есть к опережению требований работодателей; повсеместных разговоров о торговом давлении конкурентов и о необходимости делать лучше их и с меньшими затратами.

С точки зрения наемных работников, это участие не лишено способности удивлять, поскольку увеличивая ясность (конец монополии навыков, понятность дисфункциональности), оно намного уменьшает *зоны неопределенности* и серьезно затрагивает *власть экспертов*. Именно к этому пришло управление участия, завоевав доверие наемных работников (16). С точки зрения мемопроспективной функции, и, более широко, организации предприятия, речь идет о новом этапе рационализации. В результате, одна из причин, наиболее беспощадных к непредсказуемости (являющейся источником власти экспертов) поломок или отклонений и дисфункций, случайных по своей сути, считается сейчас рациональной и активно поддерживается наемными работниками.

Таким образом, как это ни парадоксально, новый этап рационализации не лишен связи с гипотезами Тейлора. Мы помним одну из заслуг, которую комментаторы недавно приписыв-

вали Тейлору: приток в промышленность США на рубеже веков иммигрантской рабочей силы крестьянского происхождения (из Италии, Польши, Ирландии и т.д.) не имевшей никакого технического образования, в то время как квалифицированные работники, составлявшие меньшинство, навязывали свои условия (цену и время исполнения) дезориентированным хозяевам. Чтобы это осуществить, Тейлор учредил *группу специалистов*, формализовавших и захватывавших знания и умения квалифицированных работников и накапливавших их на стороне управления предприятия. Затем эта же группа специалистов раскладывала сложный труд на последовательность элементов и заданий (простой труд), которые могли выполнять рабочие-иммигранты без квалификации, счастливые уже от того, что могли, наконец, работать. Именно это мероприятие Тейлор сам назвал "научным управлением производством", понимая под ним это движение рационализации, позволявшее одновременно и накопление знаний рабочего на стороне управления (то есть владение технологическими процессами), и распределение поделенного знания индустриальной неквалифицированной рабочей силе, преданной и взаимозаменяемой, обученной уже на производстве.

Можно лишь поражаться глубокой гомотетии между информатизацией и тейлоризмом. Наглядный пример - машины с числовым управлением. Большую часть времени программирование осуществляется одним квалифицированным работником, "поднявшимся" в технологическое бюро (в котором, как известно каждому, собрана группа специалистов Тейлора). Этот работник, хорошо знакомый с машинной обработкой, инструментами и поведением металла в течение работы машины, составляет программы для машин с числовым управлением и записывает их на магнитную ленту или на перфоленту. Он объективирует знания и умения на вспомогательном материале, остающемся, конечно же, собственностью управления предприятия. *Явление формализации и накопления знаний рабочих на стороне управления сходно с тем, что проповедовал Тейлор.*

То же явление можно продемонстрировать и на примере программируемых автоматов, поработающих станки и роботов (например, работник-пульверизатор "учит" этим движениям робота, рисующего "хобот слона"), и на примере компьютеров,

следящих за производственной линией, или на примере экспертных систем. В любом случае имеет место *объективизация комплекса знаний* (и, если это возможно, умений в целом), остающаяся, как и у Тейлора, собственностью предприятия. Однако это гомотетия еще более глубока, поскольку так же, как при научном управлении производством, *выполняемый остаточный труд является в значительной степени взаимозаменяемым*. То есть, не оспаривая определенной тенденции к повышению квалификации работников надзора (в прошлом часто неквалифицированных рабочих, ставших "операторами автоматизированных установок"), следует подчеркнуть ограничения этого роста квалификации, поскольку они неразрывно связаны с самим движением рационализации: исключение сложного труда из центра процесса труда, имеющее место как у Тейлора, так и при информатике, объективирующей его в место изолированное и ценное (методологическое бюро), не приведет к его волшебному возвращению в цех. Другими словами, тейлоризм и информатизация, будучи рациональными процессами захвата управлением сложных знаний, могут лишь логически навязывать сохранение в центре процесса труда рабочей силы, квалификация которой минимально отвечает требованиям оборудования.

Что касается амбивалентности этого повышения квалификации операторов, сопровождающейся сохранением благородных профессий за пределами цеха или уставом об участии, одновременно и дарованном, и определенным образом навязанным операторам для рассеяния их умений, или же положением о технико-участвующих процедурах надежности, качества мы сталкиваемся со сложным процессом, имеющим, как и Янус, два лика. Можно, конечно, держаться явления, форм, внешней стороны и на их основе сделать вывод о появлении в настоящее время новой производственной модели, то есть модели, полностью развернутой к новшествам и будущему, можно быть ослепленным этой подделкой, прикрывающей старую структуру предприятия. Однако можно, напротив, попытаться устранить эти подделки, чтобы обнаружить наполненное пульсирование предприятия. Даже если опровергнуть тезис *поляризации умений* (мы являемся свидетелями общего роста квалификаций и усложнения труда), тем не менее реальное движение рационализации продолжает добиваться *максимального вытеснения сложного труда из центра*

процесса производства. С одной стороны, операторы получают маленькое вознаграждение, они взаимозаменяемы и не имеют контроля над процессом производства. С другой же стороны, сложный труд изгоняется из центра цеха - или из конторы - изолируется и прячется в места, обладающие символической ценностью: при помощи вознаграждений, выражаемых в виде лучшей зарплаты этим специалистам, была охарактеризована часть рабочей силы, в реальности необходимая для функционирования предприятия.

Увековечит ли эта рационализация принципы тейлоризма или же она обопрется на черты информатики, для анализа ничего не меняет: значение имеет лишь структурное воспроизводство. Таким образом, именно здесь и должна сыграть свою роль социология труда. Что за силы, слои и социальные категории, более или менее сформированные в теневых исполнителей, тормозят или препятствуют появлению новой производственной модели? Какими механизмами часть управления, часть наиболее квалифицированных категорий, а также и управляющие низкого ранга и контролеры всех видов укрепляют существующее, чтобы защититься от неизвестности грядущего? И наоборот, какие социальные категории заинтересованы в этой трансформации? Какими рычагами они обладают и заключение каких альянсов можно себе представить, чтобы обойти стороной - или дестабилизировать - сторонников *status quo*?

Выше я показал, как *взаимодействие, связи* между функциями и между подфункциями (системами и подсистемами), то есть их *интеграция*, явились ключом к реагированию предприятий на то, что их окружает. Исследования, проведенные в цехах машинного оборудования и монтажа, в проектных бюро, в страховых или банковских компаниях, показывают, что стратегии изменений, стремящиеся укрепить взаимодействие и связи между функциями, не достигли своих целей. Социальное более устойчиво, чем кажется, и довольно часто - менее податливо, чем сами методы. Решительный шаг, таким образом, должен принимать во внимание эти стратегии изменений, которые понимаются как появление новой производственной модели (постфордистской), так же, как сопротивление социальных исполнителей, которые, за исключением ключевых позиций, продлевают жизнь традиционным защищающим их закрытиям. Перед лицом пения ди-

фирамбов происходящим изменениям, сопровождают которыми, как правило, их же инициаторы, следует отметить, что, за некоторыми исключениями, их беспокоят лишь технико-участствующие процедуры, не затрагивающие глубин закрытий и иерархической ригидности организации.

Для появления новой производственной модели должны исчезнуть феодалы и бароны. Этого не произойдет и без новых, резких и болезненных, сокращений кадров. Сокращение продолжительности труда оказалось бы тогда не утопией, а логическим последствием уменьшения роли труда в создании стоимости. Остается лишь догадываться о новых способах регулирования накопления в мировом масштабе!

1. R. Boyer et J.-P. Durand, *L'après-fordism*, Syros, 1993.
2. Ср. главу "Des structures aux representations sociales", in Jean-Pierre Durand et Robert Weil, *Sociologie contemporaine*, Vigot, 1989.
3. Ср. Michael J. Piore et Charles F. Sabel, *Les chemins de la prospérité. De la production de masse à la spécialisation souple*, Hachette, 1989.
4. Edgar Morin, *Introduction à la complexité*, ESF, 1990.
5. Jean-Pierre Dupuy, *Ordres et désordres*, Seuil, 1982.
6. Отметим, что материальный поток также может быть и информационным потоком: в банках и страховых агентствах, в прессе, у информатиков и т.д.
7. Ср. главу "La société de l'information", in Jean-Pierre Durand et François-Xavier Merrien (ed.), *Sortie de siècle. La France en mutation*, Vigot, 1991.
8. GPAO: Gestion de Production Assistée par Ordinateur (управление производством при помощи компьютера); CFAO: Conception et Fabrication Assistées par Ordinateur (планирование и изготовление при помощи компьютера).
9. MOCN: Machines-Outils à Commande Numérique (машины с числовым управлением).
10. Horst Kern et Michael Schumann, *La fin de la division du travail?* Maison des sciences de l'homme, 1989, p. 14.
11. Ibid. P. 361-362.
12. Ср. мою статью "Du paradigme productique à la communication", in *Technologie de l'information et société*, 1990, 3.
13. Ср. главу Yves Bouchut "Organiser et gérer la production", in Jacques-Henri Jacot (ed.), *Du fordism au taylorism*, Documentation française, 1990, где показано, как микроуправление, la fiabilisation, "вовремя",

качество, управление производством сливаются воедино, поскольку все они принадлежат процессу производства (act de fabrication) и являются его производными.

14. Ср. Jean-Pierre Durand (dir.), *Le syndicalisme aifutur*, Syros, 1995.

15. Michel Crozier, *Le phenomene bureaucratique*, Points-Seuil, 1971, p. 199.

16. Тем не менее нет ощущения, что сегодня управленцы доверяют наемным работникам больше, чем вчера! См. по этому поводу Daniele Linhart, *Le torticolis de l'autruche. L'eternelle modernisation des entreprisesfrancaises*, Seuil, 1991.

Дополнительная литература

Jean Lojkine, *La revolution informationnelle*, PUF, 1992.

Gilbert de Terssac, *Autonomie dans le travail*, PUF, 1992.

Перевод с французского М.Добряковой